

АННА ВОЛКОВА

Я СОЗДАМ ТЕБЕ МИР

Иногда самая большая сила —
это возможность всё изменить.
А самая страшная цена — понять,
что некоторые вещи исправить нельзя.

Анна Волкова

Я создам тебе мир

<https://litres.ru/74524853>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она всегда мечтала создать идеальный мир. Мир без жестокости, случайностей и правил, которые кто-то другой написал за неё. Мир, где она сама решает, какой будет её жизнь.

И однажды она оказывается внутри такого мира. Здесь всё так, как она когда-то хотела: прекрасное королевство, магия, которой ни у кого кроме нее, и мужчина, о котором она мечтала.

Пока она изучает мир, он единственный, кто осмеливается напоминать ей: даже тому, кто способен изменить целый мир, не подвластно самое сложное — чужое сердце.

А какую цену ей придется заплатить за свое счастье?

Содержание

Глава 1. Право решать	4
Глава 2. То, чего она никогда не планировала	12
Глава 3. Разговор, который должен был случиться раньше	24
Глава 4. Последняя дорога прежнего мира	34
Глава 5. Мир, которого не должно было существовать	43
Глава 6. Правила, которых никто не писал	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Я создам тебе мир

Глава 1. Право решать

В тот вечер город за окном казался особенно чужим, словно кто-то незаметно передвинул привычные улицы на несколько сантиметров и теперь ждал, заметит ли она подмену. Лея сидела перед ноутбуком уже третий час, не включая верхний свет, и только настольная лампа оставляла на столе тёплый круг, в котором лежали раскрытый блокнот, чашка давно остывшего кофе и несколько исписанных листов. На экране застыла последняя сцена её романа. Лея стояла на вершине белой башни, откуда открывался вид на северное море, заснеженные леса и город, построенный на каменных уступах. Под её ногами начиналась буря, но над крышами домов уже расходились облака, пропуская золотой свет. Внизу люди ещё не знали, что завтра их жизнь станет другой, потому что женщина на башне собиралась изменить одно-единственное правило мира.

Она перечитала абзац, нахмурилась и снова подвинула курсор к последней строке.

— Слишком красиво для сцены, которая должна пугать, — пробормотала она, рассматривая собственные слова с профессиональной подозрительностью. — Значит, где-то здесь я опять позволила себе полюбить красивую картинку

больше, чем саму историю.

Она удаляла неудачные фразы без сожаления. Слова для неё никогда не были священными, даже если над ними приходилось просиживать ночи. Если предложение не работало, его можно было переписать. Если сцена не выдерживала следующей главы, её можно было разобрать до основания. Если персонаж вдруг начинал вести себя нелогично, она не обвиняла его в предательстве, а искала место, где сама позволила ему свернуть не туда. С людьми этот принцип почему-то работал гораздо хуже. Телефон завибрировал возле чашки, заставив её вздрогнуть сильнее, чем требовало обычное уведомление. На экране появилось имя Лиоры, а следом пришло сообщение, состоявшее из фотографии, трёх восклицательных знаков и короткой фразы о том, что издатель снова хочет получить финальную версию рукописи к утру.

Она улыбнулась, открыла фотографию и увидела на ней Лиору с выражением человека, который готов лично прийти и вынести ноутбук из квартиры вместе с хозяйкой.

— Если она действительно придёт, я перееду в другую страну, — ответила она, набирая сообщение одной рукой. — Причём желательно туда, где издателей считают мифическими существами.

Ответ появился почти мгновенно. Лиора никогда не любила долгих пауз, особенно когда речь шла о работе подруги. Она могла часами спорить с ней о мотивации персонажа, но ещё быстрее находила способ напомнить, что дедлайны су-

ществуют независимо от творческого вдохновения. Она закрыла переписку и снова посмотрела на экран. На полке напротив стояла старая коробка с распечатанными черновиками первого романа. Она хранила их не из сентиментальности, а из профессионального упрямства. В первых версиях её нынешнего мира не было ни северного королевства, ни древних руин, ни мирового древа, ни женщины, способной менять законы реальности одним намерением. Там был только мужчина, которого она придумала однажды ночью, когда слишком устала быть разумной.

Он появился в тексте почти случайно, но уже через несколько страниц стал вести себя так, будто давно жил там самостоятельно. Она называла его идеальным слишком часто, чтобы действительно считать его идеальным. У него была спокойная манера говорить, привычка спорить там, где другие соглашались, и раздражающая способность замечать то, что она предпочитала оставлять без внимания. В ранних версиях он получался почти безупречным, но со временем она намеренно добавила ему недостатки: шрам возле брови, привычку скрывать боль и склонность принимать решения раньше, чем кто-либо успевал его остановить. Получилось убедительнее. А вместе с этим появилось что-то опасное, чего она сначала не заметила.

Она потянулась к блокноту, открыла чистую страницу и записала несколько слов, которые давно крутились в голове: «Человек не становится свободным только потому, что по-

лучил возможность выбирать». Через секунду она перечеркнула написанное одной резкой линией. Слишком прямолинейно для неё. Она перевернула страницу и записала другую мысль: «Иногда самым страшным подарком становится право решить самому». Эту фразу она оставила. В коридоре послышался поворот ключа, и через мгновение дверь открылась. Она даже не обернулась, потому что узнала его шаги раньше, чем услышала голос. Он всегда двигался немного тише, чем ожидалось от человека его роста, и почти никогда не хлопал дверями, будто считал лишний шум личным оскорблением.

— Если ты собираешься работать до утра, хотя бы сделай вид, что умеешь отдыхать, — произнёс он, снимая куртку.

Она посмотрела на него через плечо и заметила мокрые от дождя волосы, усталость в лице и ту самую улыбку, которая появлялась у него всякий раз, когда он видел её за очередной попыткой победить ночь.

— Я отдыхаю между предложениями, — ответила она. — Иногда даже между запятыми, если авторская совесть позволяет такую роскошь.

— Тогда твой отдых выглядит подозрительно похожим на вторую смену.

Он поставил на стол бумажный пакет с едой и осторожно отодвинул в сторону её чашку. Она автоматически вернула чашку на прежнее место. Он снова отодвинул её, уже с таким выражением лица, будто между ними начались переговоры

государственного масштаба.

— Не начинай, — предупредил он.

— Я ещё ничего не сказала.

— Поэтому я и успел подготовиться.

Уголок её губ дрогнул, хотя она сделала всё возможное, чтобы не дать ему заметить улыбку. Разумеется, он её заметил. Он всегда замечал. В этом и заключалась одна из самых раздражающих особенностей их отношений: рядом с ним было слишком трудно оставаться непроницаемой. Он не требовал откровенности, не задавал вопросов, когда она явно не хотела отвечать, но каким-то образом всё равно замечал перемены в её голосе, задержку перед ответом или то, как она начинала поправлять лежащие на столе вещи, когда нервничала. Сейчас она машинально выровняла блокнот относительно края стола. Он ничего не прокомментировал. Только открыл пакет и достал две коробки с ужином.

— Ты опять забыл, что я не люблю кинзу, — заметила она, приподнимая крышку.

— Я ничего не забыл, — возразил он с невозмутимым видом. — Я купил тебе еду без кинзы.

Она увидела зелень, затем внимательно посмотрела на него.

— Ты сейчас действительно решил спорить со мной о зелени?

— Я сейчас действительно решил накормить тебя, пока ты не начнёшь редактировать собственное имя за недоста-

точную драматичность.

Она тихо рассмеялась и наконец отложила ноутбук. В такие минуты ей нравилось думать, что жизнь устроена проще, чем она привыкла считать. Есть стол, тёплая еда, дождь за окном и человек напротив, который знает, какую зелень она ненавидит, но всё равно время от времени покупает её специально, чтобы получить повод для спора. Ей нравилась эта предсказуемость. И одновременно она её пугала. Она никогда не боялась перемен, если сама выбирала их. Переезд, новый роман, новый контракт, новый город — всё это казалось терпимым, пока решение принадлежало ей. Страшнее всего было другое: однажды проснуться и понять, что жизнь уже выбрала за неё, пока она была занята тем, чтобы красиво описывать чужие выборы.

— Ты опять ушла куда-то далеко, — заметил он.

Она подняла взгляд и на несколько секунд задержала его на его лице.

— Я здесь, просто думаю о финале.

— Телом ты здесь, а мыслями уже где-то над очередным вымышленным королевством.

Она чуть заметно усмехнулась.

— Моим королевствам хотя бы можно приказывать вести себя разумно.

— Поэтому ты их и любишь.

Она хотела отшутиться, но почему-то не стала. Он смотрел на неё спокойно, без давления, и поэтому ответить ока-

залось сложнее.

— Иногда мне кажется, что если я перестану всё контролировать хотя бы на неделю, всё развалится, — призналась она после короткой паузы.

— Тогда попробуй не контролировать хотя бы один вечер. Она покачала головой.

— Это звучит как очень плохой план.

— Для тебя почти любой хороший план сначала звучит плохо.

Она усмехнулась, но спорить не стала. После ужина он ушёл в душ, а она вернулась к рукописи. На экране снова появилась белая башня, только теперь она уже не казалась ей красивой. В ней было что-то слишком знакомое, почти личное, словно она не придумывала это место, а пыталась вспомнить его. Она провела пальцами по письменному столу. Ощущение исчезло так же быстро, как появилось. Она открыла следующую главу и начала печатать.

«Если бы существовал мир, который можно изменить одним желанием, она прежде всего убрала бы случайность».

Она перечитала предложение и на этот раз не стала его исправлять. За стеной равномерно шумела вода, а где-то совсем рядом коротко и мерно прозвучал электронный сигнал. Она на несколько секунд остановилась, прислушиваясь, но звук больше не повторился. Телефон снова загорелся на столе. На этот раз сообщение было не от Лиоры.

«Когда ты освободишься, нам нужно поговорить».

Она перечитала его дважды, потом ещё раз, будто между словами могло появиться что-то, чего не было видно с первого взгляда. В ванной перестала шуметь вода. Она закрыла ноутбук, выпрямилась и впервые за весь вечер почувствовала, что привычный порядок вещей начал едва заметно сдвигаться. Причём на этот раз она понятия не имела, кто именно сделал первый шаг.

Глава 2. То, чего она никогда не планировала

После того сообщения квартира будто стала меньше, хотя стены оставались на прежних местах, а дождь за окном всё так же мерно стекал по стеклу. Лея сидела перед закрытым ноутбуком, положив ладони поверх крышки, и слушала тишину, которая теперь казалась гораздо громче любого разговора. В ванной за стеной что-то щёлкнуло, затем коротко загудело и снова стихло. Этот звук напомнил ей электронный сигнал, который она уже слышала вечером, однако теперь он отозвался внутри неприятной пустотой, словно память пыталась подтолкнуть её к мысли, которую она пока не хотела формулировать. Она поднялась из-за стола слишком резко и несколько секунд стояла неподвижно, ожидая, пока исчезнет лёгкое головокружение. Последние две недели она списывала подобные ощущения на недосып, кофе натошак и бесконечные сроки, потому что у каждой неприятности существовало объяснение, если достаточно долго перебирать возможные причины.

В этом она была почти профессионалом. Когда объяснение не находилось, она создавала его сама. Она прошла на кухню, открыла верхний шкаф и некоторое время смотрела на пачку сухого печенья, будто от правильного выбора зави-

сел исход сложного переговорного процесса. Желудок снова неприятно свело, и она закрыла шкаф, решив, что организм просто мстит за очередную ночь без нормального ужина.

— Ты выглядишь так, будто собираешься объявить войну холодильнику, — раздался из коридора голос Алексея, и в следующую секунду он появился в дверном проёме с влажными волосами и полотенцем на плече. — Только прошу тебя, оставь ему хотя бы дипломатический шанс.

Она повернулась к нему с той самой полуулыбкой, которую обычно использовала, когда не хотела отвечать на настоящий вопрос.

— Холодильник пока вне списка моих проблем, — сказала она, опираясь ладонью о край столешницы. — Сейчас меня больше интересует, почему я второй день подряд чувствую себя человеком, которого переехал очень маленький, но исключительно настойчивый грузовик.

Он внимательно посмотрел на неё, и улыбка у него исчезла быстрее, чем успела оформиться.

— Ты действительно плохо себя чувствуешь, — произнёс он уже без шутливой интонации. — Почему ты решила, что это просто усталость?

Она пожала плечами, хотя движение получилось слишком небрежным даже для неё.

— Потому что усталость намного удобнее, чем все остальные варианты, — ответила она. — Кроме того, у меня дедлайн, который способен убить даже совершенно здорового

человека.

Он больше не улыбался, продолжая внимательно наблюдать за ней.

— Я собираюсь спросить, когда ты в последний раз нормально спала, — произнёс он после короткой паузы. — И почему ты уже несколько дней просыпаешься раньше будильника.

Она на секунду замолчала. Этого он тоже заметил. В последние дни она действительно просыпалась ещё до рассвета, лежала в темноте и пыталась понять, почему сердце бьётся быстрее обычного. Иногда ей казалось, что она слышит едва различимый ритм, похожий на далёкий электронный сигнал, но стоило открыть глаза, как комната возвращалась к привычной тишине. Она не рассказывала ему об этом. Не потому, что скрывала что-то важное. По крайней мере, так она убеждала себя до сегодняшнего вечера.

— Я просто слишком много думаю, — сказала она наконец. — Для писателя это считается профессиональным заболеванием.

Он посмотрел на неё ещё несколько секунд, а затем кивнул.

— Тогда хотя бы сегодня перестань работать, — произнёс он. — Утром решишь, что делать дальше.

Она хотела возразить, но вместо этого снова почувствовала тяжесть внизу живота, настолько слабую, что её легко можно было принять за случайное напряжение. Только на

этот раз вместе с ощущением пришла мысль, которую она оттолкнула прежде, чем та успела обрести форму. Мысль вернулась через несколько секунд. Она вернулась уже без возможности притвориться, будто её не существует. Цикл действительно задерживался уже несколько дней. Сначала она не позволила себе испугаться. Она просто пересчитала дни. Затем пересчитала ещё раз. После этого достала телефон, открыла календарь и несколько минут смотрела на маленькие отметки, которые до этого казались совершенно незначительными. Её память, обычно безупречная в вопросах сроков, встреч, дедлайнов и чужих обещаний, вдруг отказалась сотрудничать.

Она резко закрыла календарь, словно могла этим остановить собственные мысли. Через минуту открыла снова. На этот раз цифры никуда не исчезли.

— Сейчас мне действительно необходимо выйти ненадолго, — сказала она, и собственный голос показался ей слишком спокойным.

Он заметно нахмурился, внимательно изучая её лицо.

— В такое время тебе действительно нужно ехать в аптеку?

Она мгновенно подняла взгляд.

— Нет, сегодня я поеду одна, без компании и лишних вопросов.

Ответ прозвучал слишком быстро. Он заметил и это.

— Ладно, — произнёс он после паузы. — Тогда хотя бы

напиши, когда вернёшься.

Она кивнула, схватила куртку и вышла раньше, чем он успел задать следующий вопрос. На улице дождь стал холоднее. Воздух пах мокрым камнем, бензином и поздним городом, который продолжал жить по своим правилам, совершенно не подозревая, что для одного человека несколько минут назад привычное будущее перестало быть привычным. Она шла быстро, почти не замечая прохожих. Аптека находилась всего в двух кварталах, но дорога показалась ей длиннее обычного. Она старалась думать рационально, перебирала возможные причины задержки, вспоминала последние недели и каждый раз возвращалась к одному и тому же выводу, который ей не нравился. Она всё ещё могла ошибаться, и эта возможность казалась спасительной.

Пока существовала вероятность ошибки, существовала возможность отложить решение. В аптеке было почти пусто. За кассой сидела женщина средних лет, листавшая журнал, и подняла глаза только тогда, когда Лея подошла к стойке.

— Мне нужен обычный, но достаточно надёжный вариант, — попросила она, стараясь говорить буднично.

Фармацевт посмотрела на неё внимательно, без любопытства, которое могло бы показаться вмешательством.

— Вам один или два? — спросила она.

Этот вопрос оказался неожиданно трудным. Она вспомнила, сколько раз в работе оставляла себе запасной вариант, потому что одна версия никогда не казалась достаточно без-

опасной.

— Возьму два, чтобы потом не возвращаться сюда снова,
— ответила она.

Через несколько минут она вышла из аптеки с маленьким непрозрачным пакетом в руке. Он оказался почти невесомым. И всё же ей казалось, будто она держит предмет, способный изменить направление всей её жизни. Наоборотном пути она не открывала телефон. Ей пришло несколько сообщений, но она не стала смотреть, от кого именно. Одно из них, скорее всего, было от Лиоры, другое могло оказаться рабочим, третье — от него, и именно последнее предположение заставило её сильнее сжать пальцы вокруг ручки пакета. Она не хотела сейчас слышать его голос. Не потому, что боялась его реакции. Потому что боялась собственной. Дома свет в гостиной всё ещё горел. Он сидел на краю дивана с телефоном в руке и поднял голову сразу, как только она вошла.

— Ты долго, — сказал он. — Всё действительно в порядке, или ты пытаешься убедить меня в обратном?

Она поставила пакет на стол.

— Да, всё в порядке, просто мне нужно немного времени. Это прозвучало слишком коротко и слишком уверенно.

— Я просто задержалась в аптеке, — добавила она, снимая мокрую куртку. — Ничего серьёзного пока не произошло, так что не начинай волноваться.

Он посмотрел на пакет, затем снова на неё.

— Ты хочешь, чтобы я спросил?

Она выдохнула, собирая остатки привычного самообладания.

— Я хочу, чтобы ты пока ничего не спрашивал.

Он не стал спорить. В этом была одна из причин, по которым рядом с ним она иногда чувствовала себя в безопасности, и поэтому сейчас было особенно трудно смотреть ему в глаза. Он мог быть настойчивым, мог раздражать её своей внимательностью, мог спорить до последнего аргумента, но в важных вещах всегда оставлял ей пространство.

— Я не стану спрашивать, пока ты сама не захочешь говорить, — произнёс он.

Она кивнула и взяла пакет. В ванной она закрыла дверь, включила воду и несколько секунд стояла перед зеркалом, не открывая упаковку. Собственное отражение выглядело совершенно обычным: немного уставшие глаза, растрепавшиеся волосы, тёмная футболка, знакомая складка между бровями. В зеркале не было заметно никаких признаков надвигающейся катастрофы. Никаких признаков новой жизни. Никаких признаков того, что человек способен проснуться утром и обнаружить, что будущее уже успело измениться без его разрешения. Она осторожно разорвала упаковку и достала небольшой пластиковый тест. Дальше всё происходило слишком просто. Инструкция оказалась понятнее большинства договоров, которые ей приходилось подписывать за последние годы. Несколько действий, несколько минут ожидания, несколько символов, способных превратить привычную

реальность в совершенно другую.

Она сделала всё, что требовалось, и положила тест на край раковины. Потом включила воду сильнее, хотя необходимости в этом не было. Она несколько минут молча ждала, стараясь не смотреть на раковину. Сначала старалась читать инструкцию. Потом перечитала её ещё раз. После этого начала считать плитки на стене. На четырнадцатой плитке её мысли снова вернулись к ноутбуку, к белой башне, к женщине, которая собиралась изменить одно правило мира. Она вдруг поняла, почему эта сцена так раздражала её вечером. Лея её романа хотела убрать случайность. Хотела сделать так, чтобы ничто важное не происходило без её согласия. Она усмехнулась собственному совпадению, но улыбка быстро исчезла.

На краю раковины появился второй символ. Она не заметила, в какой именно момент. Посмотрела — и увидела. Несколько секунд она не двигалась. Через несколько мгновений она всё-таки наклонилась ближе к краю раковины. Даже при ближайшем рассмотрении результат оставался совершенно прежним. Теперь она уже не могла списать увиденное на случайную ошибку. Она действительно была беременна, и это знание мгновенно изменило весь смысл происходящего. Беременна — это слово оказалось слишком большим для этой маленькой ванной комнаты. Она положила ладонь на край раковины. Первым пришло острое раздражение, почти детское и совершенно несправедливое. Раздражение на собственное тело за то, что оно посмело принять решение без

неё.

Она на несколько секунд закрыла глаза, пытаясь вернуть мыслям привычный порядок. В памяти всплыл календарь, затем дедлайн, затем рукопись, затем фотографии квартир, которые она недавно сохраняла в отдельную папку, затем разговор о новом контракте, который собиралась обсудить с Лиорой через несколько дней. Все планы, ещё недавно казавшиеся множеством дорог, вдруг сошлись в одной точке. Она открыла глаза и посмотрела на своё отражение.

— Только не сейчас, — произнесла она тихо, но в голосе не было просьбы. — Только не тогда, когда я наконец всё устроила.

Фраза повисла в воздухе. Она почти сразу поняла, насколько несправедливо прозвучала эта мысль. Не потому, что ребёнок был виноват. Потому, что она уже начала воспринимать его как изменение собственной жизни, прежде чем позволила себе подумать о нём как о человеке. От этого стало ещё страшнее. Она села на закрытую крышку унитаза и положила ладони на колени. Ей хотелось плакать, но слёз не было. Вместо них пришёл список. Работа оставалась первым пунктом, который требовал немедленного решения. Квартира тоже внезапно стала частью этого нового расчёта. Контракт теперь выглядел совершенно иначе, чем ещё час назад. Роды были слишком далёкой перспективой, чтобы сейчас позволить себе её осмыслить.

Деньги требовали отдельного расчёта, который она пока

не могла закончить. Сроки уже начинали превращаться в цепочку неизвестных обстоятельств. Его реакцию она даже не пыталась представить до конца. Её родители наверняка зададут вопросы, на которые она пока не готова отвечать. Его родители тоже неизбежно появятся в этой новой системе координат. Свобода оставалась тем единственным пунктом, который нельзя было выразить цифрами. И наконец, в самом центре всего этого расчёта находилась она сама. Чего хотела именно она, если убрать все чужие ожидания и возможные последствия? Не как писательница, привыкшая превращать любую проблему в структуру. Не как человек, который умел составлять планы на несколько лет вперёд.

как женщина, которая впервые столкнулась с решением без готового сценария. Она прикрыла лицо ладонями и долго сидела неподвижно. Внутри не возникало ясного ответа. Только воспоминание о недавней мысли, которую она уже успела забыть среди рабочих дел: через год она хотела проснуться в другой квартире, возможно, даже в другом городе, открыть ноутбук и обнаружить на столе только те вещи, которые выбрала сама. Она собиралась поговорить с ним. Не сегодня. Не сейчас. Когда-нибудь, когда найдётся правильный момент. Она даже несколько раз представляла этот разговор, меняя слова, интонации и возможные ответы, будто репетировала сцену собственного романа.

Только теперь стало ясно, что никакой идеальной версии разговора не существует. За дверью ванной раздался тихий

стук.

— Ты там слишком долго молчишь, и я начинаю всерьёз волноваться, — спросил он.

Она посмотрела на тест. Потом перевела взгляд на закрытую дверь.

— Я просто пытаюсь привести мысли в порядок, — ответила она. — Мне нужно ещё несколько минут.

За дверью наступила пауза.

— Я буду здесь, когда ты выйдешь. Никуда не уйду.

Эти слова почему-то оказались тяжелее всех остальных. Она посмотрела вниз, на собственные руки, и впервые за долгое время не знала, что делать дальше. Телефон завибрировал в кармане куртки, оставленной возле двери. Она достала его и увидела новое сообщение от Лиоры.

«Ты всё-таки сделала анализы?»

Она заметно нахмурилась после услышанного. Пальцы замерли над экраном. Потом пришло второе сообщение.

«Только не говори, что ты снова решила всё одна».

Она перечитала эти слова несколько раз. Лиора ничего не могла знать. Никто не мог знать. Она сама узнала об этом всего несколько минут назад. И всё же в следующую секунду в дверь ванной снова постучали, уже мягче, почти осторожно.

— Нам действительно нужно поговорить, — сказал он из-за двери. — Только теперь я не уверен, что понимаю, с чего начать.

Она подняла взгляд на зеркало. За её отражением ничего не происходило. Но где-то внутри привычной жизни уже появилась трещина, и она вдруг почувствовала, что самое страшное заключается вовсе не в том, что её планы изменились. Самое страшное было в другом: впервые решение, которое определяло её будущее, касалось не только её одной.

Глава 3. Разговор, который должен был случиться раньше

Самое трудное оказалось не выйти из ванной, а открыть дверь. Лея несколько минут сидела неподвижно, прислушиваясь к тишине за стеной и пытаясь собрать мысли в последовательность, которая хотя бы отдалённо напоминала план. В обычной жизни ей достаточно было нескольких минут, чтобы превратить любую проблему в список задач, расставить приоритеты и определить порядок действий. Даже самые неприятные обстоятельства становились терпимее, если их удавалось разложить на отдельные пункты. Сейчас пункты отказывались складываться. За дверью находился человек, которому она должна была сказать правду. Это пугало больше всего. Она осторожно убрала тест обратно в упаковку, спрятала её в непрозрачный пакет и только после этого выключила воду. В зеркале отражалась всё та же женщина, которая несколько часов назад спорила с собственной рукописью, раздражалась из-за кинзы и считала, что сможет закончить новый роман до конца месяца.

Теперь ей казалось почти абсурдным, что она могла всерьёз планировать ближайшие месяцы. Она открыла дверь. Он стоял возле окна, прислонившись плечом к стене, и держал в руке телефон, хотя по неподвижному экрану было по-

нятно, что читать он давно перестал. Услышав движение, он поднял голову, но не сделал ни шага навстречу. Это было правильно. Он оставлял ей пространство. И от этого пространство между ними казалось ещё больше.

— Ты действительно хочешь поговорить сейчас? — спросил он, внимательно следя за её лицом. — Или тебе нужно ещё немного времени, чтобы понять, как именно ты собираешься это сказать?

Она едва заметно усмехнулась, хотя улыбка получилась скорее усталой, чем весёлой.

— Если я начну ждать правильного момента, разговор может никогда не состояться, — ответила она, проходя к дивану. — А я уже достаточно долго откладывала вещи, которые потом всё равно приходилось делать.

Он сел напротив, оставив между ними небольшое расстояние.

— Тогда рассказывай так, как получается, — произнёс он. — Не обязательно превращать это в идеально написанную сцену.

Она опустила взгляд на собственные руки. Ей захотелось пошутить. Шутка уже почти появилась, привычно готовая закрыть неловкость, но она впервые за вечер позволила ей остаться невысказанной.

— Я беременна, — произнесла она наконец.

Он не ответил сразу. В комнате не изменилось ничего, кроме того, как внезапно стал слышен дождь за окном. Вода

барабанила по стеклу с прежней равномерностью, машины проезжали по мокрой дороге, где-то в соседнем доме закрыли окно, а холодильник на кухне тихо включился после долгой паузы. Мир продолжал существовать. Это показалось ей почти оскорбительным. Она ожидала чего-то другого: резкого движения, испуга, вопроса, даже злости. Вместо этого он просто сидел напротив и молчал, будто осторожно проверял каждое слово, которое мог произнести дальше.

— Ты уверена? — спросил он спустя несколько секунд.

Она коротко кивнула в ответ.

— Два теста, чтобы не оставлять себе удобной возможности объявить первый ошибкой.

Он провёл ладонью по лицу и на мгновение прикрыл глаза.

— Ладно, — произнёс он, но тут же покачал головой, словно понял, насколько бессмысленно прозвучало это слово. — Прости, это было ужасное начало разговора.

— Учитывая обстоятельства, я слышала варианты хуже.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Ты боишься?

Она собиралась ответить автоматически, но остановилась. Раньше она почти всегда знала, какую эмоцию следует выбрать для ответа, особенно когда разговор касался её самой. Теперь ни один привычный вариант не подходил полностью.

— Да, — призналась она. — Только дело не в том, чего ты сейчас, возможно, подумал.

Он не перебил.

— Я боюсь не ребёнка, — продолжила она после долгой паузы. — Я боюсь, что после этого моя жизнь перестанет принадлежать мне.

Он слегка нахмурился, однако не отвёл взгляда.

— Ты действительно думаешь, что ребёнок автоматически отнимает у тебя право решать?

— Я думаю, что после некоторых решений слишком многое начинает зависеть от других людей, — ответила она. — Врачей, родственников, работы, денег, расписаний, обстоятельств. А потом однажды обнаруживаешь, что собственная жизнь превратилась в комнату, где все остальные имеют ключ.

Он выдохнул.

— Ты говоришь так, будто уже прожила это.

Её пальцы сжались на краю диванной подушки. Фраза задела точнее, чем он мог предположить.

— Возможно, потому что однажды я уже была в ситуации, где важное решение приняли за меня, — сказала она после паузы. — И хуже всего было даже не само решение. Хуже оказалось то, что потом мне объяснили, почему я должна быть благодарна.

Он не стал спрашивать подробности. Это было одной из тех вещей, которые она ценила в нём сильнее, чем признавалась самой себе. Он умел оставлять закрытые двери закрытыми.

— Я не хочу решать за тебя, — произнёс он.

Она подняла взгляд на него.

— Даже сейчас?

— Особенно сейчас.

В этих словах не было красивой декларации, и поэтому она поверила им больше, чем любому обещанию, которое можно было заранее подготовить. Он немного наклонился вперёд, положив предплечья на колени.

— Я хочу знать только одно, — продолжил он. — Что ты сама хочешь сделать?

Она почти рассмеялась. Не от веселья. От невозможности ответа.

— Вот этого я пока не знаю.

Она тут же заметила собственные слова и едва заметно поморщилась.

— Не исправляй меня, — добавила она. — Сегодня мне впервые разрешено не иметь готового ответа.

Он кивнул в ответ.

— Тогда не будем торопить ответ.

На несколько секунд между ними снова установилась тишина. Она ожидала вопросов о будущем, о сроках, о свадьбе, квартире, деньгах, родителях, работе и обо всём том, что люди обычно считают обязательным обсуждать в подобных обстоятельствах. Но он ничего этого не произнёс. Вместо этого спросил:

— Ты уже решила, что я должен делать?

Она подняла брови.

— Почему ты спрашиваешь это?

— Потому что ты умеешь принимать решения быстрее, чем успеваешь сообщить их людям.

Она хотела возмутиться, но не смогла. Он слишком хорошо её знал. И в этот момент она впервые заметила, насколько легко могла превратить даже его заботу в ещё одну систему правил, которую нужно контролировать.

— Нет, — сказала она. — Я ничего не решила за тебя.

— Хорошо, сделаем именно так.

— Но это не значит, что мне не страшно услышать твой ответ.

Он некоторое время молчал. Потом встал и подошёл к окну. За стеклом отражались огни машин, размытые дождём, и в этих отражениях его фигура казалась почти чужой. Она вдруг вспомнила все вечера, когда он возвращался домой позже неё, ставил ключи на одно и то же место и спрашивал, как прошёл день, хотя прекрасно видел по её лицу, что день прошёл плохо. Он всегда замечал её усталость раньше неё. Всегда покупал еду, когда она забывала поесть. Всегда оставлял ей последний кусок десерта, хотя сам утверждал, что просто не хотел сладкого. Она никогда не считала эти вещи доказательствами любви. Теперь они вдруг стали чем-то гораздо более тяжёлым.

— Я люблю тебя, — произнёс он, не поворачиваясь. — И это не меняется из-за того, что сегодня ты принесла домой

две полоски.

Она прикрыла глаза. Ей хотелось услышать именно эти слова. И одновременно они испугали её сильнее, чем молчание.

— Не говори это так, будто всё уже решено, — попросила она.

Он повернулся.

— Я говорю это не как решение.

— Тогда зачем?

— Потому что ты должна знать, что твой выбор не будет для меня неожиданностью.

Она посмотрела на него, пытаясь понять, что именно скрывается за этой фразой.

— Ты хочешь ребёнка?

Вопрос оказался слишком прямым. Он не ответил мгновенно. Вместо этого опустил взгляд, словно впервые позволил себе не подбирать правильную формулировку.

— Я хочу тебя, — сказал он наконец. — А всё остальное мне придётся научиться принимать вместе с тобой.

Она выдохнула. Это был не тот ответ, которого она ожидала. И поэтому он оказался самым трудным. Она встала и подошла к окну, остановившись рядом с ним. Некоторое время они смотрели на дождливую улицу, не касаясь друг друга.

— Я думала уйти, — призналась она.

Он повернул голову.

— От меня?

— Не совсем.

Она сглотнула.

— Я собиралась поговорить с Лиорой о новом контракте, потом посмотреть квартиру в другом районе, а дальше решить, насколько долго я хочу оставаться здесь. Мне казалось, что если изменить всё достаточно быстро, то никто не успеет принять решение вместо меня.

Он не перебил.

— Я даже не знала, как сказать тебе, — продолжила она. — Не потому, что не доверяла. Скорее наоборот. Потому что знала: если скажу, ты захочешь остаться.

Он долго смотрел на неё.

— А тебе хотелось, чтобы я ушёл?

Она замолчала. Вопрос оказался больнее, чем следовало.

— Мне хотелось, чтобы возможность выбора осталась у меня, — произнесла она наконец. — Иногда это не одно и то же.

Он кивнул, но в его лице появилось что-то такое, чего она раньше не видела. Не злость. Не обида. Скорее тихая усталость человека, который слышал правду и теперь должен решить, что с ней делать.

— Тогда скажи мне одну вещь, — произнёс он. — Ты хотела уйти от меня или хотела уйти первой, чтобы потом никто не смог уйти от тебя?

Она резко повернула голову. Он смотрел прямо на неё. Без обвинения. Без попытки выиграть спор. И от этого во-

прос оказался почти невыносимым. Она открыла рот, но слова не появились. Потому что впервые за весь вечер слышала не то, чего боялась, а то, что сама старалась не замечать. Возможно, она действительно собиралась уйти не потому, что разлюбила. Возможно, она собиралась уйти потому, что не хотела однажды оказаться человеком, которого оставили без права решать. Он сделал шаг ближе, но остановился на расстоянии вытянутой руки.

— Я не буду удерживать тебя, — сказал он. — Но и делать вид, будто мне всё равно, тоже не стану.

Она посмотрела на его руку. Всего несколько сантиметров отделяли её пальцы от его ладони. Ей хотелось прикоснуться. Вместо этого она убрала руки за спину.

— Мне нужно время.

— Пусть будет так.

— И мне нужно, чтобы никто не знал.

Он нахмурился.

— Лиора?

— Пока даже она.

— Тогда я никому не скажу.

Она наконец посмотрела ему в глаза.

— Ты обещаешь?

— Я обещаю не рассказывать без твоего разрешения.

Впервые за вечер ей стало немного легче. Она не знала, что будет завтра. Не знала, останется ли в этой квартире через месяц. Не знала, сможет ли продолжить писать так же,

как прежде, и не знала, каким станет её отношение к собственному телу, которое вдруг превратилось из привычной части жизни в источник вопросов. Но одно она знала точно. Сегодня он не пытался забрать у неё решение. И это сделало следующий момент настолько болезненным. На столе снова загорелся телефон. Она сначала не собиралась брать его, но световая поверхность продолжала светиться, отражаясь в тёмном стекле окна. Сообщение пришло с незнакомого номера. Она открыла его.

Внутри была всего одна строка.

«Если вы уже узнали о беременности, не садитесь за руль этой ночью».

Она перечитала сообщение несколько раз. Он заметил, как изменилось её лицо.

— Что там?

Она помолчала, прежде чем ответить. Внизу экрана появилось второе сообщение.

«Через двадцать минут произойдёт то, что уже нельзя будет отменить».

Она подняла глаза. За окном дождь усилился. А затем из телефона донёсся тот самый короткий электронный сигнал, который она слышала вечером возле ноутбука. На этот раз он повторился трижды. И сразу после третьего сигнала экран погас, хотя заряд аккумулятора показывал почти полный уровень.

Глава 4. Последняя дорога прежнего мира

Телефон погас, но ощущение от последнего сигнала осталось в комнате, будто звук не исчез вместе с экраном, а продолжил существовать где-то между стенами, внутри тишины и слишком напряжённого пространства между ними. Лея ещё несколько секунд держала телефон в руке, не сводя взгляда с чёрного экрана. На поверхности стекла отражалось её лицо, бледное и непривычно серьёзное, а за ним угадывался силуэт мужчины, который всё ещё стоял возле окна и явно пытался понять, почему обычное сообщение сумело так резко изменить выражение её глаз.

— Это был неизвестный номер? — спросил он после продолжительной паузы.

Она кивнула в ответ на слова.

— Сообщение исчезло вместе с телефоном, поэтому сейчас у меня нет ни номера, ни текста, который можно показать тебе.

Он протянул руку, но остановился, не коснувшись её.

— Тогда расскажи хотя бы, что там было.

Она посмотрела на погасший экран и почувствовала, как внутри снова поднимается то неприятное ощущение, которое возникло ещё вечером возле ноутбука. Не страх в при-

вычном понимании, а скорее чувство несоответствия, будто несколько совершенно независимых вещей вдруг оказались связаны между собой тонкой нитью, которую она пока не могла увидеть.

— Мне написали, чтобы я сегодня не садилась за руль, — произнесла она наконец. — Потом появилось ещё одно сообщение о том, что через двадцать минут произойдёт нечто, чего уже нельзя будет отменить.

Он выпрямился.

— Ты собиралась куда-то ехать?

Она покачала головой.

— До этого не собиралась.

— Тогда почему тебе вообще написали?

— Вот это меня и беспокоит.

Он подошёл ближе, забрал у неё телефон и нажал кнопку включения. Экран оставался совершенно чёрным.

— Возможно, просто разрядился.

— Он был почти полностью заряжен.

— Тогда утром разберёмся.

Она взглянула на него.

— Почему утром?

Вопрос прозвучал резче, чем она хотела. Он внимательно посмотрел на неё, затем вернул телефон.

— Потому что сегодня ночью тебе нужно остаться дома.

Она почти сразу почувствовала раздражение. Это была знакомая реакция, почти автоматическая, возникавшая вся-

кий раз, когда кто-то пытался изменить её решение прежде, чем она сама его приняла.

— Не начинай, пожалуйста.

— Я не начинаю спор.

— Так обычно начинается спор.

Он на мгновение прикрыл глаза, словно собирался сдерживать ответ, который мог только ухудшить ситуацию.

— Тогда скажу иначе. После всего, что произошло сегодня, мне кажется разумным хотя бы одну ночь никуда не ехать и ничего не решать.

Она отвернулась к окну. Дождь становился сильнее. За стеклом город расплывался в светящихся пятнах, и знакомые улицы казались почти нереальными. Несколько машин медленно двигались по мокрой дороге, их фары превращались в длинные золотистые полосы, которые дрожали на поверхности луж.

— Мне нужно увидеть Лиору, — произнесла она.

Его брови сошлись.

— Зачем?

— Потому что я не могу провести всю ночь здесь и делать вид, будто всё нормально.

— А разве сейчас тебе действительно нужно обсуждать с ней работу?

Она не ответила сразу. Лиора была не только редактором. Она была человеком, которому Лея могла позвонить в три часа ночи, чтобы сообщить о провале главы, сорванной

встрече или внезапном желании выбросить ноутбук в окно. Именно ей она доверяла рукописи до публикации, именно ей позволяла спорить с собой до хрипоты и именно от неё привыкла слышать правду тогда, когда сама предпочитала удобную версию событий. Но сегодня существовала ещё одна причина. Она хотела рассказать Лиоре о беременности. Не потому, что уже была готова услышать мнение подруги, а потому, что молчание внезапно стало почти физически тяжёлым.

— Мне нужно с ней поговорить, — повторила она.

Он некоторое время молчал.

— Тогда я отвезу тебя.

Она резко повернула голову.

— Об этом поговорим потом.

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Потому что мне нужно поговорить с ней самой.

— Я могу довезти тебя и подождать в машине.

— Это я и называю сопровождением.

Он усмехнулся, но в глазах не было веселья.

— После такого вечера ты действительно собираешься ехать одна?

Она ощутила, как вновь поднимается раздражение, но заставила себя остановиться. Он не контролировал её. Он боялся. Разница между этими двумя вещами была огромной, хотя иногда внешне они выглядели почти одинаково.

— Я ненадолго, — сказала она уже спокойнее. — Обе-

щаю, что напишу, когда приеду.

Он хотел возразить, но не стал.

— Тогда хотя бы возьми мою куртку, — произнёс он. — Твоя промокнет за две минуты.

Она хотела отказаться, однако вместо этого позволила ему снять с крючка тёмную куртку и накинуть ей на плечи. Этот простой жест почему-то оказался тяжелее всего разговора. Он поправил воротник, задержал пальцы на ткани и тихо произнёс:

— Возвращайся.

Их взгляды встретились.

— Конечно.

Слово получилось слишком лёгким. Она сама это почувствовала. Возможно, поэтому он ничего больше не сказал. Дорога до квартиры Лиоры обычно занимала около пятнадцати минут, но в этот вечер город будто намеренно замедлял движение. Дождь усилился настолько, что дворники едва успевали очищать лобовое стекло, а свет встречных машин временами превращал дорогу в сплошное мерцание. Она включила навигатор, хотя прекрасно знала маршрут. Привычка. Когда мысли становились слишком громкими, ей нравилось видеть перед собой линию, которая заранее показывала, куда следует повернуть. Сегодня линия раздражала. Она ехала медленно, почти не превышая ограничение скорости, и несколько раз ловила себя на том, что машинально касается живота ладонью.

Движение было настолько естественным, что она заметила его только после третьего раза. Она убрала руку с живота и положила её на руль.

— Мы ещё ничего не решили, — пробормотала она, сама не понимая, обращается к себе или к тому, чьё существование пока было обозначено только двумя полосками на пластике.

Фраза прозвучала нелепо. Она чуть усмехнулась. Но улыбка исчезла, когда в колонках вдруг появился короткий электронный шум. Она нахмурилась и убавила громкость. Шум исчез. Через несколько секунд повторился. Три коротких сигнала. Она посмотрела на панель приборов. Никаких предупреждений. Никаких красных индикаторов. Ничего, что могло бы объяснить звук. Она выключила музыку. В салоне остался только шум дождя и мягкое урчание двигателя. На следующем перекрёстке загорелся красный свет. Она на мгновение остановилась перед дверью. На противоположной стороне улицы светилась вывеска круглосуточной аптеки, и это почему-то вернуло её к событиям нескольких часов назад. Маленький непрозрачный пакет, две полоски, собственное отражение в зеркале, голос за дверью ванной.

Она вспомнила вопрос, который он задал ей. Ты хотела уйти от меня или хотела уйти первой? Она до сих пор не знала ответа. Наверное, потому что оба варианта содержали слишком много правды. Свет сменился. Она нажала на педаль и продолжила движение. Телефон лежал рядом на пас-

сажирском сиденье. Он внезапно включился. Экран загорелся настолько резко, что она вздрогнула. Новое сообщение отсутствовало. Вместо него на экране открылась заметка, которую она никогда не создавала. Всего одна строка.

«Не меняй то, чего ещё не потеряла».

Она резко отпустила педаль газа. Машина замедлилась. На секунду ей показалось, что она видит не экран телефона, а белую поверхность монитора, на которой вместо букв движутся тонкие светящиеся линии. Она медленно моргнула, пытаясь сосредоточиться. Телефон снова выглядел совершенно нормально. Открытым оставалось приложение заметок. Пустая страница. Никакой строки. Никакого сообщения. По её позвоночнику прошёл холод.

— Хватит, — произнесла она, крепче сжимая руль. — Сегодня уже достаточно совпадений.

Впереди дорога уходила под небольшой мост. Освещение там было слабее, чем на предыдущем участке, а вода уже собиралась вдоль обочины, превращая разметку в бледные отражения. Она снизила скорость. Всё происходило совершенно обычно. Поэтому следующий момент оказался таким страшным. Слева внезапно вспыхнул яркий свет. Она успела увидеть только белую полосу, пересекающую мокрую дорогу. Затем раздался резкий удар. Машину повело в сторону. Она попыталась выровнять руль, но колёса потеряли сцепление с покрытием, и автомобиль резко развернуло. Всё произошло настолько быстро, что мозг перестал успевать за

происходящим. Сначала был звук. Металл, стекло, шины и дождь слились в один оглушительный грохот.

Потом появился свет. Белый, резкий, почти ослепляющий. Она услышала собственный крик, хотя не была уверена, что действительно закричала. Ремень безопасности болезненно врезался в грудь. Руль выскользнул из пальцев. Телефон упал на пол. На несколько мгновений перед глазами осталась только перевёрнутая улица, мокрый асфальт и размазанные огни. Она попыталась пошевелиться. Тело отреагировало не сразу. Сначала пришла боль в плече. Потом тупое давление в груди. Затем странная тяжесть в голове, будто кто-то медленно опускал над сознанием плотную завесу. Она вспомнила о ребёнке. Мысль возникла неожиданно ясно. Раньше она боялась потерять свободу. Теперь единственным желанием стало сохранить то, что ещё несколько часов назад казалось невозможным принять.

Она попыталась позвать на помощь. Голос не появился. Снаружи уже слышались шаги. Кто-то кричал, кто-то звонил в экстренную службу, где-то совсем рядом хлопнула дверь другой машины. Она снова попыталась поднять руку. Пальцы дрогнули. На полу рядом с телефоном мерцал экран. На нём снова появилась та же самая строка.

«Не меняй то, чего ещё не потеряла».

Она смотрела на неё, пока буквы постепенно расплывались. А потом сквозь шум дождя прорезался знакомый электронный ритм. Три сигнала. Между сигналами повисла ко-

роткая пауза. Ещё три. Она не понимала, откуда он доносится. Возможно, из телефона. Возможно, из разбитой панели. Возможно, совсем не с этой дороги. Последним, что она почувствовала, стало движение собственной ладони к животу. Она не успела понять, коснулась ли его. Белый свет снова разлился перед глазами, стирая мокрый город, разбитое стекло и человеческие голоса, а затем где-то совсем рядом появился ровный ритм, который продолжал звучать даже тогда, когда всё остальное исчезло.

Глава 5. Мир, которого не должно было существовать

Первым вернулся звук. Не боль, не память и даже не ощущение собственного тела, а ровный повторяющийся ритм, который возник где-то на границе сознания и постепенно становился громче. Он напоминал электронный сигнал, но между отдельными импульсами оставалось слишком много тишины, чтобы назвать его обычным прибором. Лея пыталась открыть глаза, однако веки казались тяжёлыми, словно были сделаны не из кожи, а из камня. Ритм повторился. Три коротких сигнала, затем длинная пауза. Ещё три. Где-то далеко существовал голос, приглушённый толщей воды или стекла. Женщина говорила быстро, затем другой голос ответил ей спокойнее, и отдельные слова растворились прежде, чем смогли обрести смысл.

Она попыталась пошевелить рукой. На этот раз тело откликнулось. Пальцы едва заметно согнулись, и вместе с этим движением вернулось ощущение холода. Холод лежал под спиной, пробирался через одежду и будто медленно вытягивал из неё остатки сна. Она снова попыталась открыть глаза. На этот раз получилось. Над ней находилось серое небо. Не потолок. Не больничные лампы. Не разбитое стекло автомобиля. Небо. Она несколько секунд просто смотрела вверх,

не способная заставить сознание принять увиденное. Облака двигались слишком быстро, разрываясь над тёмными вершинами деревьев, а между ними пробивался холодный белый свет. Потом она вдохнула. Воздух оказался настолько чистым, что лёгкие болезненно сжались.

Она резко приподнялась и тут же пожалела об этом. Голову пронзила такая сильная боль, что перед глазами вспыхнули белые пятна. Она опустилась обратно на холодную землю, закрыла глаза и несколько раз медленно вдохнула, пока окружающий мир снова не перестал вращаться. В памяти вспыхнула дорога. Дождь. Фары. Удар. Ремень безопасности. Каменный диск лежал на полу. Строка, которой не должно было существовать.

«Не меняй то, чего ещё не потеряла».

Она открыла глаза снова. Каменного диска рядом уже не оказалось. Машины тоже. Вместо разбитого асфальта под ладонью оказалась влажная трава, а чуть дальше лежал слой тонкого снега. Она села. Перед ней простирался лес. Высокие хвойные деревья уходили вверх настолько далеко, что вершины терялись в сером тумане. Между стволами виднелись каменные выступы, покрытые мхом, а дальше начинался склон, уходящий к долине. Внизу блестела вода. Она сначала решила, что это озеро. Через несколько секунд поняла, что ошиблась. Это был огромный залив, окружённый горами. На противоположном берегу темнели стены города. Она замерла.

Город выглядел так, будто сошёл со страницы её рукописи. Каменные дома поднимались уступами по склону, узкие башни прорезали низкое небо, а над крышами тянулись тонкие струйки дыма. Дороги спускались к воде, соединяя кварталы мостами и лестницами. На самом высоком уступе стояла белая башня. Она узнала её сразу. Не потому, что когда-либо была там. Потому что сама её придумала. В груди возникло странное давление. Она поднялась на ноги, продолжая смотреть на город.

— Этого не может быть, — произнесла она, и собственный голос прозвучал непривычно тихо.

Ответом стал ветер. Он прошёл между деревьями, поднял с земли сухие листья и принёс запах дыма, хвои и чего-то ещё, чего она не могла сразу определить. Запах был знакомым. Слишком знакомым. Она сделала несколько шагов вперёд. На камне возле тропы была вырезана руна. Она на мгновение остановилась перед дверью. Знак существовал в её рукописи. Точно такой же. Она помнила его не как часть древней культуры, а как собственную выдумку, которую однажды нарисовала на полях блокнота, когда пыталась придумать письменность для северных племён. Теперь этот символ был вырезан в камне. Настоящем камне. С глубокими следами инструмента. Она провела пальцами по бороздам.

Поверхность оказалась холодной. Шероховатой. Реальной. Она отдернула руку. Внутри всё ещё существовало рациональное объяснение. Сон. Галлюцинация. Последствие

аварии. Потеря сознания. Любое из этих слов казалось предпочтительнее единственного вывода, который она пока не позволяла себе сформулировать. Она нащупала в кармане небольшой каменный диск, которого прежде там не было. Каменный диск оказался тёплым, словно долго лежал в человеческой ладони. По его краю проходили тонкие руны, не повреждённые ни одной трещиной. На поверхности диска проступило мягкое белое сияние. Сияние было ровным, будто внутри камня сохранялся запас чужого света. Она уставилась на цифры.

— Прекрасно, — пробормотала Лея. — Значит, теперь этот мир умеет подбрасывать мне ещё и очень убедительные артефакты.

Ни одного человеческого знака поблизости не обнаружилось. Даже привычное ощущение времени словно исчезло. Каменный диск не показывал дороги, но его свет медленно собирался в узор. Она провела пальцами по гладкой поверхности диска. Белое сияние несколько секунд дрожало, а затем на камне проступили тёмные линии, складываясь в незнакомую карту. Она заметно нахмурилась после услышанного. Линии начали складываться в изображение. Сначала появилась сеть корней. Затем ствол. Потом ветви. Она остановилась, не двигаясь. На камне возникло изображение дерева. Это было не изображение живого мира. Не карта. Скорее схема, похожая на те визуализации, которые она использовала во время работы над романом.

Она знала этот рисунок. Она сама его создала. Дерево должно было обозначать связь между девятью уровнями мира. Но среди девяти ветвей светились только восемь. Девятая ветвь оставалась пустой. Каменный диск дрогнул в её ладони. Три сигнала. Она сжала пальцы, и сияние на камне погасло. В лесу стало совершенно тихо. Настолько тихо, что она слышала собственное дыхание. Затем справа раздался хруст ветки. Она резко обернулась. Между деревьями никого не было. Она задержала дыхание. Ещё один звук. На этот раз ближе. Она отступила на шаг и автоматически подняла с земли тяжёлую ветку. Оружием её назвать было трудно, но другого варианта рядом не существовало.

Из тумана показался человек. Сначала она увидела только силуэт. Потом одежду. Тёмный плащ, высокий воротник, кожаный ремень через грудь, сапоги, покрытые грязью. Мужчина остановился в нескольких метрах от неё. Он был молод, однако лицо казалось старше из-за усталости, которая проступала в выражении глаз. На щеке виднелась свежая царапина, а возле левого виска темнела тонкая полоска крови. Он держал короткий клинок. Она крепче сжала ветку.

— Не приближайтесь, — произнесла она.

Мужчина поднял свободную руку, показывая, что не собирается нападать.

— Если бы я собирался причинить тебе вред, ты бы уже не успела поднять эту ветку.

Она прищурилась.

— Удивительно убедительный способ попросить меня не нервничать.

На его лице появилась едва заметная улыбка.

— Ты разговариваешь слишком спокойно для человека, который только что проснулся посреди северного леса.

По позвоночнику прошёл неприятный холод.

— Откуда вы знаете, что я только что проснулась?

Он внимательно посмотрел на неё.

— По тому, как ты стоишь.

Она почти усмехнулась. Почти.

— А я уже надеялась на более мистическое объяснение.

Он опустил оружие, однако не убрал его.

— Меня зовут Кай Реннер.

Имя ничего ей не говорило. Это почему-то успокоило. Если бы перед ней появился персонаж, которого она помнила по собственному роману, происходящее стало бы слишком очевидным.

— Где я нахожусь? — спросила она.

Кай некоторое время молчал, будто решал, насколько странным будет ответ.

— На северной дороге Эйрдала.

Она ощутила, как всё внутри сжалось. Эйрдал. Название королевства. Её королевства. Она опустила ветку.

— Какой сейчас год?

Кай нахмурился.

— Ты спрашиваешь о годе?

— Именно.

— Если ты ударилась головой, тебе лучше не идти дальше. Она резко подняла взгляд.

— Ответьте на вопрос.

Он некоторое время смотрел на неё, затем назвал год. Она не узнала число. Никакого облегчения не пришло. Только ещё одна трещина в привычной реальности.

— А столица находится там? — спросила она, указывая на город.

Кай проследил за её рукой.

— Я понимаю.

Она снова посмотрела на башню. Белая башня. Северный уступ. Город, который она строила в голове месяцами.

— Мне нужно туда попасть.

— Тогда тебе повезло.

— Почему для тебя это так важно?

— Потому что я направляюсь туда же.

Она уже собиралась ответить, когда из глубины леса донёсся звук. Не человеческий. Сначала раздалось низкое гудение, затем земля под ногами едва заметно дрогнула. Кай мгновенно изменился. Улыбка исчезла. Он поднял клинок и встал немного впереди неё.

— Отойдите назад.

Она хотела возразить, но увидела выражение его лица. Это был не страх. Это была готовность.

— Что происходит? — спросила она.

— Сейчас узнаем.

Из-за деревьев появилась тень. Она двигалась слишком быстро для человека. Кай шагнул навстречу. Раздался металлический удар. Тень отступила. Теперь она увидела существо. Оно напоминало крупного зверя, но его тело было неправильным. Слишком длинные конечности, непропорционально узкая голова, кожа, покрытая тёмными прожилками, которые мерцали слабым синим светом. Она знала это существо. Не в реальности. В тексте. Она сама придумала его для сцены, которую так и не закончила. Кай бросился вперёд. Существо ударило лапой, и он едва успел уклониться. Клинок скользнул по его боку, оставив глубокий порез на ткани.

— Бесполезно! — крикнула она. — Целься ниже!

Он повернул голову.

— Что ты пытаешься мне сказать?

— Потому что у него слабое место под левым ребром.

Она сама не поняла, откуда знает это. Кай не стал задавать вопросов. Он изменил положение. Следующий удар пришёлся точно туда, куда она указала. Существо взревело. Звук оказался настолько громким, что птицы сорвались с деревьев. Она отступила, закрывая уши. И в этот момент увидела то, чего не должно было быть. Под ногами существа на земле начали проступать тонкие светящиеся линии. Они расходились кругом. Почти такими же линиями она когда-то рисовала магические схемы в блокноте. Она знала, что произойдёт дальше. Не знала откуда. Просто знала.

— Кай, назад!

Он отступил. Земля под существом вспыхнула. Существо исчезло в ослепительном свете. Через несколько секунд лес снова стал тихим. Кай тяжело дышал, опираясь рукой о дерево. На его боку темнела кровь. Она сделала шаг к нему.

— Вам нужна помощь.

— Это царапина.

— По количеству крови ваш организм придерживается другой версии.

Он усмехнулся.

— Значит, всё-таки умеешь шутить.

Она уже хотела ответить, когда почувствовала резкую боль в голове. Мир качнулся. Перед глазами вспыхнули изображения. Белая больничная палата. Свет. Чужие руки. Светящаяся панель. Женский голос.

«Давление падает».

Она на миг опустила веки. Изображение постепенно исчезло перед ними. Но звук остался. Три коротких сигнала. Она открыла глаза и увидела перед собой Кая.

— Ты побледнела, — произнёс он. — Что произошло?

Она хотела ответить. Не успела. В глубине леса снова загорелись светящиеся линии. На этот раз они не исчезли. Они начали двигаться к ней. Она отступила. Кай поднял оружие.

— Не приближайся.

Но линии уже окружали её ноги. Свет поднимался по земле, переплетаясь вокруг корней деревьев, и в каждом новом

узоре она узнавала собственные схемы. Те, которые никто здесь не должен был знать. Она смотрела на них, пока внутри не возникло совершенно невозможное ощущение. Будто мир не просто узнавал её. Будто он ждал, когда она вспомнит его.

Глава 6. Правила, которых никто не писал

Свет продолжал подниматься по земле, переплетаясь вокруг корней и камней, пока не сомкнулся тонким кольцом у её ног. Он не обжигал кожу, не причинял боли и всё же заставлял каждую мышцу тела оставаться напряжённой, словно организм раньше разума понял, что происходящее нельзя воспринимать как обычное природное явление. Кай стоял в нескольких шагах от неё, удерживая клинок в опущенной руке, однако теперь его внимание было сосредоточено не на лесу, а на светящихся линиях.

— Не двигайся резко, — произнёс он, внимательно следя за изменением узора. — Иногда граница реагирует на движение сильнее, чем на саму угрозу.

Она повернула голову.

— Ты сейчас действительно предлагаешь мне спокойно стоять внутри светящегося круга посреди леса, который несколько минут назад оказался местом из моей собственной книги?

К

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.